

И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?¹¹

Для осознания семантической сложности и даже логической неясности оды по сравнению с той риторической моделью, которую она иллюстрирует, особое значение имеет ее финал. Последний стих — «Скажите ж, коль велик Творец?» — представляет собою логический вывод, сделанный из энтимемы и содержащий ее основную идею. Однако, и это крайне значимо, он оформлен в виде вопроса. Конечно, этот вопрос — риторический, о семантике которого Ломоносов в том же «Кратком руководстве...» пишет следующее: «Вопрошение риторическое бывает не для испытания неизвестного, но для сильнейшего изображения известных вещей».¹² И все же некоторая доля вопросительной интонации в этом выводе присутствует. Она усиливается тремя предшествующими стихами, также являющимися риторическими вопросами:

Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?

В результате смысловая четкость и определенность, необходимо присущие энтимеме, как бы смазываются. Вместо ясного логического вывода возникает какое-то недоумение. Оно поддерживается и первым стихом последней строфы: «Сомнений полон ваш ответ». Одной из смысловых доминант оды оказывается именно сомнение — «Впервые сомнение в достаточности рационально-научного объяснения природы вещей прозвучало в натурфилософской оде „Вечернее...“».¹³ Логическая модель, положенная, по словам самого автора, в основу оды, требует однозначности, семантические колебания ей противопоказаны. А в самой оде такие колебания и определяют алгоритм порождения смысла.

Одновременно с этим финальные риторические вопросы «Вечернего размышления...» определяют и другой его семантический вектор. Служа, как только что говорилось, для «сильнейшего изображения известных вещей», они утверждают противоположные своему буквальному значению идеи, причем наряду с представлениями о бесконечности мироздания и неизведанности времени и пространства возникает (в последнем стихе) мысль о бесконечном величии Божиим, до конца не постигаемом человеческим разумом. Мысль эта не противоречит выводу энтимемы, но переносит идею окончательной непознаваемости Бога в совершенно иную эмоцио-

¹¹ Ломоносов М В Сочинения Т 3 С 292—294

¹² Там же С 244

¹³ Алексеева Н Ю М В Ломоносов // Словарь русских писателей XVIII века СПб, 1999 Вып 2 К—П С 219—220